В КОМИССИЯХ И КОМИТЕТАХ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

«ИЗБЕЖАТЬ СИЛЫ И ЛЖИ» —

НАДЕЕТСЯ КАНДИДАТ
В МИНИСТРЫ КУЛЬТУРЫ

В минувший четверг произошло событие в некотором роде удивительное: при полном согласии и, я бы даже сказала, в какой-то приподнятой атмосфере депутаты приняли решение рекомендовать Верховному Совету СССР утвердить в должности министра культуры СССР главного режиссера Театра на Таганке Николая ГУБЕНКО.

Примечательно в этом решении вовсе не то, что пост министра предложен человеку сугубо творческому: брешь в номенклатурной системе уже пробили Раймонд Паулс, Полад Бюль-Бюль оглы, Леонид Абалкин, Николай Воронцов... Удивило единодушные людей, которые совсем недавно настаивали если не на ликвидации, то на коренной реорганизации союзного Министерства культуры. Еще на первой сессии многие депутаты голосовали не против кандидата в министры, а против самого министерства.

И вдруг — «полный назад»? Да еще без споров и видимого сожаления? Чингиз Айтматов, открывая заседание, напомнил, правда, о неоднозначном отношении к Министерству культуры и депутатов, и интеллигенции в целом, но бурного развития тема эта на сей раз не получила. И Николай Иванович Рыжкова, представлявшего Николая Губенко, предложениями упразднить Минкульт тоже не дожимали. Чем вызвано такое неожиданное изменение позиции?

— Сегодняшняя реакция на происходящее вовсе не означает, что мы отказались от своих идей, — сказал после заседания заместитель председателя Комиссии по вопросам развития культуры, языка, национальных и интернациональных традиций, охраны исторического наследия Олег Чернышев. — Да, наша модель не нашла полной поддержки в правительстве. Мы предлагали ее, исходя из того, что республики получают большую самостоятельность, а значит, и система управления культурой должна претерпеть существенные изменения. Однако инерция старых организационных структур не дает возможности изменить систему сразу и кардинально. Приходится искать компромиссы. Вместо предлагавшегося нами Бюро при Совмине создан теперь отдел культуры и образования: это уже мостик, хоть и несколько иной конструкции, но позволяющий соединить локальные, местные интересы с общими, государственными.

В конце концов радикальные меры далеко не всегда дают ожидаемый эффект — случается и наоборот. И все же полагаю, что на это решение в немалой степени повлияло программное выступление Н. Губенко. К сожалению, журналистов попросили не цитировать его, пока кандидат в министры не пройдет процедуру утверждения на Верховном Совете СССР. Поэтому мне остается лишь коротко проиллюстрировать реакцию на это выступление. Хорошо помню, как страстно протестовал против министерства на первой сессии Генрих Игитян и с какой неумолимой логичностью доказывал бесполезность этого ведомства Янис Петерс. Вряд ли можно заподозрить, что депутата из Армении и депутата из Латвии заставили перемнить свое мнение какие-то личные симпатии или интересы. Однако оба они высказались в поддержку Губенко, а значит, и министерства? Почему? Это я попыталась выяснить в коротком интервью после заседания.

— Николай Николаевич, комитет и Комиссия по культуре протестовали против со-

хранения союзного министерства...

— И правильно делали.

— Но вы согласились занять пост министра культуры, значит, видите смысл в существовании этого ведомства?

— Я считаю, что в наших сегодняшних, очень сложных, заметьте, условиях процесс децентрализации, автономизации национальных культур должен в большой степени исходить из центра. Другое дело, какими методами центр будет этот процесс осуществлять — волевыми или нормальными, человеческими, когда учитываются все мнения и выбираются наилучшие пути автономизации. Жить без «центра» — об этом можно говорить разве что как о перспективе. Обществом руководит информация. Она должна где-то фокусироваться, чтобы из нее происходили управление и политика. Человечество, цивилизация пока что не придумали ничего другого — назовите это министерством, комитетом, наркоматом или чем угодно, куда бы могла стекаться информация и откуда она должна вытекать в нужном русле. Сказать: я вижу свою цель в самоупразднении министерства — это прозвучало бы красиво, но было бы чистым жокетством. Процесс упразднения — или, точнее, передачи функций — будет довольно длительным, это надо понять. И я не исключаю, что в наибольшей степени тормозить его будет наша иждивенческая психология, привычка при малейшем затруднении обращаться к верховной власти... Впрочем, дело сегодня не в министерстве как таковом, а в необходимости выработать эффективную государственную политику в области культуры. Свою же личную программу я сформулировал для себя очень коротко: избежать на этом посту силы и лжи.

Хотя экзамен в комитете и комиссии Н. Губенко выдержал, как говорится, «на ура», из этого вовсе не следует, что прошел он в щадящем режиме. Позиция кандидата зондировалась со всех сторон. Может ли творческий человек целиком отдаться административной работе? Как должны строиться отношения между министерствами культуры СССР, союзных и автономных республик? Ответы отнюдь не всегда совпадали с устремлениями спрашивающих. Например, не повлияли на решение членов комитета и комиссии и возражения, высказанные против кандидатуры Н. Губенко депутатом В. Беловым.

И все же в общей приподнятой атмосфере нет-нет да и проскальзывала нотка горечи. Мне кажется, что даже те, кто горячо рекомендовал Николая Губенко на пост министра, в глубине души не были уверены, что совершают благое дело. Это общее ощущение облачил в слова писатель Борис Васильев: обретая министра, сказал он, мы теряем актера, режиссера и Театр на Таганке.

Наверное, управлять должны профессиональные управленцы, но у нас их сегодня нет. И, наверное, надо радоваться, что находятся люди, готовые взять на себя нелегкую ношу. Марк Захаров полуслушав заметил на заседании: это гражданский подвиг, когда человек, преуспевающий в одном деле, берется за другое, совершенно незнакомое.

Николай Губенко свое решение принял. Теперь слово за Верховным Советом. Уверит ли он эту кандидатуру или отклонит ее — впервые, я думаю, не в равной степени обрадуют и в равной степени огорчат оба решения.

Т. ЯХЛАКОВА.